ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2002, том 72, № 11, с. 1018-1026

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

ОТ "КОНЦА ИСТОРИИ" К "ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ БУДУЩЕМУ"

Фрэнсис Фукуяма, которому в этом году исполняется 50 лет, - безусловно, один из наиболее талантливых и оригинальных американских социологов своего поколения. Широкая известность пришла к нему в 1989 г., когда в журнале "The National Interest" была опубликована его знаменитая статья "Конец истории" [1]. (Кстати, десятилетие этой публикации журнал счел возможным помпезно отметить на своих страницах [2].) С тех пор профессор Фукуяма издал четыре книги, каждая из которых была посвящена новой проблеме и непременно оказывалась в центре научных дискуссий, вызывая острый общественный интерес.

Где дискуссии - там и критика. Нельзя сказать, что творчество Фукуямы находит единодушный отклик в профессиональной среде. Например, его книга "Конец истории и последний человек" [3], написанная в развитие упомянутой статьи, сопровождалась серией весьма критических отзывов, в которых, в частности, отмечалось, что исключительно широкие обобщения сделаны автором на основе анализа относительно частной проблемы. В следующей своей работе "Доверие: социальные добродетели и созидание благосостояния" [4] Ф. Фукуяма дал блестящий анализ социопсихологических особенностей разных типов общества й показал их связь с возможностями экономического развития. В 1998 г. вышла книга "Великий надлом" [5], где автор, обратившись к анализу послевоенной истории американского общества, попытался оценить значение социального кризиса 70-х годов и его воздействие на развитие Америки в последующие десятилетия; все уязвимые для критики недостатки, которые были найдены в "Конце истории", в еще большей мере характерны для этой его работы. В марте 2002 г. появилась новая книга - "Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции"*; в ней Ф.Фукуяма возвращается к методологическим находкам "Доверия" и предлагает заслуживающий самого пристального внимания анализ одной из важнейших социальных и философских проблем нашего времени.

Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. XIII+256 p.

Рецензируемая книга построена по классической схеме: три части, на которые она разделена, посвящены истории вопроса (Pathways to the Future), постановке проблемы (Being Human) и поиску выхода из сложившейся ситуации (What to Do). Характеризуя ее в самых общих чертах, следует, с одной стороны, отметить оригинальное и плодотворное сочетание авторского анализа современных тенденций в развитии биотехнологий и генной инженерии с глубокими философскими обобщениями и выводами; с другой - обратить внимание на определенный диссонанс между рядом методологических посылок и выводами, непосредственно касающимися предлагаемых в книге практических мер. Автору с первых страниц удается привлечь внимание читателей к своим размышлениям о роли современной биотехнологии в жизни нынешнего и будущих поколений. Он представляет аудитории исследуемую проблему с максимальным драматизмом: ничем не ограниченный научный прогресс способен вывести человечество за ту относительно условную грань, за которой каждый из составляющих его субъектов до известной степени перестает быть человеком.

В этой рецензии мы попытаемся дать достаточно полное представление о книге, не воспроизводя ее структуру, но выделив ряд наиболее важных из поднятых в ней вопросов и охарактеризовав позицию, занимаемую автором по каждому из них.

В последнее время заметно оживилась дискуссия между представителями двух давно сложившихся научных традиций, одна из которых настаивает на определяющей роли природных, или наследственных, факторов в становлении личности, а другая - на доминирующем значении воспитания. Отмечая, что дискуссия эта не угасает с античных времен и в разные эпохи было высказано множество резких и даже провокационных тезисов, Ф.Фукуяма пишет: в XX в. "естественные и в еще большей мере общественные науки подчеркивали особенности поведения, определяемые культурными факторами, принижая значение особенностей, обусловленных факторами естественными" (р. 20). Эта традиция, напоминает автор, восходит к философам эпохи Просвещения, в первую очередь к Юму, Руссо и Канту, полагавшим, что задачей человека является изменение и даже преодоление природы и ее законов (см. р. 118-119). Из этой идеи берет свое начало опас-

ная иллюзия, что прогресс человечества способен полностью устранить влияние биологических факторов на общественную жизнь. По мнению Ф.Фукуямы, в осуществлении подобного проекта видела свою историческую миссию практически вся социальная наука завершившегося столетия (см. p. 39). Однако в 90-е годы ряд западных социологов и философов, обратившихся к анализу причин интеллектуального неравенства, вопросам предрасположенности человека к тем или иным формам самовыражения или сексуальной ориентации, выявили значительное влияние наследственности на многие стороны жизни человека. Работы этих ученых были подвергнуты жесткой критике, но даже их оппоненты вынуждены были признать сам факт наличия данной проблемы (см. p. 29). В то же время быстрое развитие получили исследования в области биотехнологий и генной инженерии; на рынке появились лекарственные препараты, воздействующие на психику человека, а генетически модифицированные продукты и даже клонированные организмы уже не вызывают удивления (см. p. 199-200, 32-34). Таким образом, теоретическое признание значимости биологического фактора в определении поведения человека происходит на фоне появления беспрецедентных возможностей использования биотехнологий для манипулирования людьми.

Такое положение дел представляется Ф. Фуку-яме крайне опасным. Он полагает, что поскольку в человеке переплетены биологические и социальные начала и именно от формы этого переплетения зависят основные качества, воплотившиеся в той или иной личности, управление биологическими процессами способно скорее дегуманизиро-вать человека, нежели поднять его на новую ступень развития. Как отмечает автор, "наибольшая опасность, порождаемая современными биотехнологиями, состоит в возможности изменить человеческую природу и тем самым вывести нас в 'постчеловеческую' историческую эпоху" (p. 7). При этом, утверждает он, изменяется и внешний мир - не только потому, что человек в значительной мере определяет сегодня его облик, но и потому, что сама природа человека, радикально меняющаяся под воздействием биотехнологий, прежде являлась неотъемлемой частью существовавшего порядка вещей (см. p. 6). Потеря элементов человечности может отразиться на форме социальных институтов, резко стратифицировать общество (см. p. 101), привести к девальвации привычных целей и смыслов (см. p. 156) и в конечном счете к утрате человеком способности осуществлять тот нравственный выбор, который в рамках христианской традиции принято считать главной и определяющей чертой личности (см. p. 149-151).

Почему такое развитие событий кажется особенно угрожающим? Автор отвечает на этот вопрос предельно четко. По его мнению, природа человека определяется врожденными, наследственными факторами; в социальной жизни она лишь видоизменяется, а гораздо чаще просто применяется для решения тех или иных проблем: "Согласно используемому мною определению природы человека, таковая есть сумма поведенческих [стереотипов] и характеристик, являющихся типичными для человеческих существ и проистекающих из генетических факторов, а не из влияния окружения" (p. 130). Разумеется, подобный вывод позволительно счесть спорным, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в современной социальной теории не только отсутствует какое-либо иное определение природы человека, пригодное для научного анализа, но зачастую даже отрицается сама необходимость такого определения.

На основе предлагаемого им методологического подхода автор выстраивает достаточно строго аргументированную концепцию, если и не отрицающую необходимость развития биотехнологических исследований, то, по меньшей мере, фокусирующую внимание читателя на сопряженных с ними опасностях.

Чтобы оценить масштаб влияния биотехнологий на перспективы человечества, Ф. Фукуяма обращается к долгой истории развития идей о природе человека и естественном праве, занимавших умы еще античных мыслителей и в конечном счете породивших западную либеральную политическую философию. Автор солидаризируется с философами прошлого в том, что "любое исполненное смысла определение прав должно основываться на четких представлениях о природе человека", и замечает при этом, что "биология эпохи модернити смогла наполнить концепцию человеческой природы эмпирическим содержанием, в то время как биотехнологическая революция угрожает лишить нас этой точки опоры" (p. 13). Вместе с тем природа человека не воплощается в общественных отношениях и правах личности естественным и очевидным образом: напротив, переход от одного к другому опосредован осмыслением тех целей, которые ставят перед собой люди, и, следовательно, сам по себе социален. При этом, как следует из логики автора, важнейшей задачей при определении прав остается следование природе человека, а в ходе социального развития происходит отбор соответствующих ей норм и отторжение тех, которые не обнаруживают такого соответствия. В этом выводе Ф.Фукуяма отнюдь не оригинален; подобная мысль проходит через всю европейскую философию (достаточно вспомнить слова св. Фомы Аквинского, писавшего в XIII в.: "Каждый человеческий закон

в такой степени является законом, в какой он отдален от закона природы; но если он совершенно несопоставим с законом природы, то это уже не закон, а извращение закона" [6]). Новым в умозаключениях автора является его предупреждение: "Мы хотим защитить от любых возможных успехов биотехнологии... от любых попыток волюнтаристского видоизменения... всю совокупность качеств нашей комплексной, сформировавшейся сущности... Мы не хотим нарушить ни единства, ни преемственности человеческой природы и, соответственно, основанных на них прав человека" (p. 172).

Глубокое и исключительно актуальное содержание книги Ф.Фукуямы подталкивает читателя к тому, чтобы внимательно разобраться в ее методологических основах, и надо сказать, что составить однозначное представление об обоснованности всех элементов этой методологии - довольно-таки трудная задача. Однако невозможно отрицать, что угрозы существующему социальному порядку, порождаемые неконтролируемым развитием биотехнологий и генной инженерии, вполне реальны; возражения против такого развития могут основываться на религиозных убеждениях, утилитарных соображениях и философских подходах (подробнее о достоинствах и недостатках каждой из этих позиций см. p. 88). Автор рассматривает далеко не все возможные опасности, но и те, о которых он говорит в своей книге, должны стать, как нам кажется, предметом самого широкого осмысления, самого гласного обсуждения и самого квалифицированного реагирования.

Во-первых, развитие технологий, способных изменять наследуемые в естественных условиях характеристики человека, подрывает концепцию равенства, на которой основана либеральная демократия. Сегодня, как отмечает Ф. Фукуяма, "мы существенно отличаемся друг от друга как индивиды и как носители [определенной] культуры, но мы объединены общими человеческими чертами, дающими каждому человеку возможность общаться с любым другим человеком на планете и вступать с ним в отношения, регулируемые законами нравственности" (p. 13). Способна ли будет функционировать либеральная политическая модель, когда у части граждан (или неграждан) появятся качества, отличающие их от большинства остальных людей (или вообще делающих их не-людьми)? Исключительная прово-кационность этого вопроса заключается, не в последнюю очередь, в том, что сегодня справедливыми, отвечающими вызовам времени могут в той или иной мере считаться и демократическое общественное устройство, основанное на признании равенства людей, и меритократическое, основанное на признании их заслуг или знаний. Если с помощью биотехнологий будут сохраняться и воспроизводиться особые, изначально отличающиеся друг от друга типы людей, общество окажется бесконечно сегментированным и утратит то единство, которое и делает его обществом.

В этом предположении заключается суть второго возражения против неконтролируемого развития генной инженерии и биотехнологий. На протяжении всей своей истории человечество существовало в условиях неравенства, которое было в первую очередь социальным, обусловливалось властью или имуществом, принадлежавшими тому или иному человеку. Уже сегодня цивилизация столкнулась с вызовом, порожденным формированием "общества знания", в котором качества, выделяющие человека из общей массы, не могут быть отчуждены, так как неотделимы от него самого. И не имея решения даже этой эволюционным путем возникшей дилеммы, оказаться перед еще более радикальным вызовом действительно кажется безумием. Вряд ли кому-нибудь удастся убедительно возразить автору относительно того, что общество, "в котором утрачено представление о 'человеческом единении'... может стать намного более иерархичным и конкурентным, нежели ныне существующее, и, как следствие, оказаться пораженным социальными конфликтами" (p. 218). Опасность подобной иерархичности и конкурентности заметна уже сегодня, на самых ранних этапах развития ме-ритократического общества, еще свободных от использования "новейших методик", предоставляемых биотехнологической революцией [7].

В-третьих, управляемые модификации биологической природы человека могут кардинально изменить систему представлений о правах человека и гражданина, что чревато катастрофическими последствиями для любого устоявшегося социального организма. Ф.Фукуяма обращает внимание читателя на то, что "современное использование понятия "право" является весьма обедненным, так как в него не инкорпорированы высшие человеческие цели, принимавшиеся во внимание прежними философами"; но даже в такой ситуации "термин *"право"* предполагает нравственное суждение (как в случае возникновения вопроса: как же *правильно* поступить?) и принципиальным образом вводит нас в дискуссию о природе справедливости и о целях, которые мы считаем соответствующими нашей человеческой природе" (p. 108). По сути дела, если подрывается концепция прав личности, подрывается и вся система нравственных ценностей, без которых не существует ни одна социальная структура.

В-четвертых, биотехнологии уже сегодня способны серьезно деформировать социальные процессы, подавляя или модифицируя человеческие стремления к самовыражению и самосовершен-

ствованию. Драматизируя этот тезис, автор ссылается на широко известную работу Р. Фрэнка [8], в которой экономический интерес, занимающий центральное место в современном обществе, трактуется как частная форма проявления стремления человека к признанию его статуса (см. р. 44-46). Полагая, что самоуважение является одной из важнейших целей человека, автор с предельной четкостью показывает, что современные обладающие психотропным воздействием препараты, многие из которых легально используются в качестве лекарственных средств (см. р. 52), способны полностью подавить стремление человека к самореализации или создать иллюзию немедленного достижения его самых неосуществимых стремлений и желаний (см. р. 156). Тем самым Ф. Фукуяма ставит резонный вопрос о том, не будут ли утрачены цели и размыты перспективы развития человечества, если излишне широко допустить в каждодневную жизнь возможность биологических манипуляций.

В-пятых, автор обращается к проблеме комплексного воздействия на все стороны общественной жизни непрекращающегося старения населения развитых стран. Ф. Фукуяма предлагает задуматься не только над сугубо экономическими последствиями этого явления (перенапряженность пенсионной системы, огромные нагрузки на государственные бюджеты и т.д.), но и над перспективой постепенного изменения национального менталитета ведущих стран Запада. Со старением населения и увеличением в нем доли женщин угасают решительность и своего рода агрессивность нации, в результате чего в недалеком будущем "мир вполне может оказаться разделенным на Север, политические приоритеты которого будут определяться стареющим женским [большинством], и Юг, управляемый теми, кого Томас Фридмен назвал воспаленными молодыми людьми, обладающими неконтролируемой силой". Это, по мнению автора, не означает, что страны Севера не смогут ответить на вызовы Юга, однако он подчеркивает, что "политики вынуждены будут действовать в рамках, установленных фундаментальными демографическими факторами, и одним из них может стать то, что [население] многих стран Севера сокращается и стареет" (р. 63). При резком увеличении продолжительности жизни (что, в принципе, возможно) изменится не только менталитет нации, но и ее жизненные циклы, замедлится процесс трансформации ценностей и предпочтений, а это создаст дополнительные объективные трудности международному позиционированию западных обществ.

Подводя некоторый итог, можно утверждать, что бесконтрольное распространение биотехнологий и их широкое применение способны нарушить как хрупкий баланс естественного и искусственного, биологического и социального, существующий сегодня внутри каждого человека, так и основанный на нем баланс сил и интересов внутри каждого отдельного общества.

Однако вызов, который развитие биотехнологий бросает цивилизации, оказывается особенно серьезным потому, что неопределенные, если не сказать - негативные, последствия биотехнологической революции обусловлены свойствами именно той человеческой природы, которая и может оказаться их жертвой.

Важнейшее из таких свойств - устремленность к познанию, характеризующая человека с самых ранних этапов эволюции. Познание и совершенствование своих способностей является столь важным качеством человеческой природы (некоторые современные антропологи полагают, что оно заложено на генетическом уровне - см. р. 140-141), что по сей день социальные и политические институты не могли воспрепятствовать ни одному направлению интеллектуальной или технологической деятельности, сколь бы пагубными ни казались их последствия. Философски осмысливая эту проблему, автор приходит к знаменательному и, на наш взгляд, в целом убедительному выводу, согласно которому "наука сама по себе не способна установить те цели и пределы, для достижения которых она предназначена" (р. 185). Такой вывод радикальным образом противоречит бытовавшему на протяжении столетий представлению о том, что "поиск научного знания... обладает внутренней легитимностью как вид деятельности, несомненно служащий интересам человечества" (там же). По мнению Ф. Фукуямы, политические институты, определяющие цели и задачи общественного развития, в современных условиях должны выступить арбитром в отношениях науки и социума, поскольку "в конечном счете наука как таковая является лишь средством достижения [тех или иных] целей человека, и вопрос о том, какие цели политическое сообщество постановляет считать достойными, не находится в сфере исключительной компетенции науки" (р. 186). Автор особо останавливается на том, что несмотря на все достижения научной мысли на протяжении последних десятилетий, многие вопросы (особенно относящиеся к сфере биологического и социального) остаются нерешенными. В этой связи упоминается обращение Папы Ио*анна Павла II к Академии наук В а тикана в 1996 г.,* в котором он отметил, что церковь не отрицает более идеи эволюции, но лишь подчеркивает неспособность науки объяснить возникновение человеческого сознания на первых ее этапах. "Современные естественные науки, - пишет Ф. Фукуяма, - объяснили то, что значит быть человеком,

в гораздо меньшей степени, чем считают многие ученые" (р. 161-162).

Тем самым автор приходит к необходимости рассмотреть исключительно важный вопрос - о контроле над биотехнологическими исследованиями. Здесь сложились две противоположные позиции: сторонники одной из них настаивают на недопустимости каких бы то ни было ограничений в развитии новых технологий, в то время как их оппоненты, с которыми полностью солидаризируется Ф. Фукуяма, требуют жесткого законодательного запрещения некоторых направлений биотехнологических исследований. Строго говоря, в "Нашем постчеловеческом будущем" автор обращает внимание читателей не столько на угрозы развития таких исследований, сколько на опасность отсутствия должного контроля над ними. Однако именно в этом пункте Фукуяма и сталкивается с двумя трудностями, которые ему не вполне, с нашей точки зрения, удается преодолеть, что несколько снижает звучание основных тезисов, предложенных в книге.

С одной стороны, биотехнологии отличаются, например, от технологии изготовления ядерного оружия тем, что могут развиваться отдельными исследователями, работающими в частных лабораториях, тогда как прежде фундаментальные проекты требовали государственной поддержки. Кроме того, в отличие от признанной во всемирном масштабе опасности ядерного оружия, сегодня не существует консенсуса по вопросам опасности биотехнологических исследований. Но как только дело доходит до предлагаемых им мер, Ф. Фукуяма ограничивается фактически единственным предложением - о создании "нового агентства, которое положило бы конец неразберихе в ограничениях, налагаемых федеральными законодательными актами... и создало бы более ясную картину происходящего в биотехнологическом секторе" (р. 215). Вряд ли, однако, такое решение проблемы может стать окончательным.

С другой стороны, автор, отмечая жесткие разногласия между США и странами Европейского Союза по вопросам использования биотехнологий, выявившиеся в последние годы (см. р. 199—200), недвусмысленно занимает сторону Соединенных Штатов, поскольку считает, что антиамериканские протекционистские решения европейских властей делают Европу наиболее радикальной в настоящее время консервативной силой в отношении биотехнологических исследований. Но не противоречит ли этот тезис общему направлению данной работы, в которой слышен авторский призыв солидаризироваться, скорее, с консервативными силами, где бы таковые ни проявлялись, чем с национальными предпочтениями, какими бы они ни были?

Однако оба эти замечания не только не снижают, но, напротив, повышают ценность предпринятого Ф. Фукуямой исследования, так как дополнительно подтверждают тот факт, что эффективный контроль над развитием биотехнологий вряд ли возможен, а перспективы их дальнейшего регулирования крайне туманны; таким образом, человечество имеет все шансы приблизить свое "постчеловеческое" будущее. И этот вызов, как показал автор, действительно может оказаться самым радикальным из тех, с которыми прежде сталкивалась цивилизация, поскольку все политические, социальные и этические проблемы, столетиями занимавшие философов, будут инкорпорированы в него лишь как незначительные составные элементы.

В Л. ИНОЗЕМЦЕВ,
доктор экономических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. 1989. № 17.
2. Francis Fukuyama's Second Thoughts. An Essay on the Tenth Anniversary of the publication of "The End of History?"//The National Interest. 1999. № 56. P. 15-44.
3. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.: Penguin Books, 1992.
4. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y.: Free Press, 1995. См. также рецензию: *Иноземцев В.* Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York, 1995 //Свободная мысль. 1998. № 1. С. 125-126. Отрывок из этой книги публиковался на русском языке (см.: Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 123-162).
5. *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. N. Y.: Free Press, 1998.
6. *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima se-cundae. Qu. 95, art. 2.
7. См., напр.: *Иноземцев ВЛ.* Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia, 1999. С. 541-571; *Он же.* Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Политические исследования. 1999. № 5. С. 17-30; *Он же.* "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67-77.
8. *Frank R.H.* Choosing the Right Pond: Human Behaviour and the Quest for Status. Oxford: Oxford University Press, 1985.